

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

ДВЕНАДЦАТЬ
РАУНДОВ ВОЙНЫ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Двенадцать раундов войны

«Автор»

2014

Самаров С. В.

Двенадцать раундов войны / С. В. Самаров — «Автор»,
2014 — (Спецназ ГРУ)

На Северном Кавказе объявился амир Уматгиреев, боевики которого стали регулярно нападать на подразделения федеральных войск и полиции. Местные правоохранители неоднократно пытались уничтожить бандитов, но всякий раз боевикам удавалось уйти. Для борьбы с бандой был направлен отряд спецназа ГРУ. Командир подразделения подполковник Калужный шел на задание с тяжелым сердцем. Он хорошо знал Уматгиреева – в молодости несколько раз встречался с ним на боксерском ринге и всякий раз проигрывал. Удастся ли ему победить в этот раз? Или его опять отправят в нокаут?..

© Самаров С. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава первая	12
Глава вторая	18
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Самаров

Двенадцать раундов войны

© Самаров С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Пролог

Утро выдалось туманное и мутное, с повышенной влажностью, но и без дождя, и без снега.

Колонна из двух полицейских грузовиков в сопровождении бронетранспортера двигалась на невысокой скорости по проселочной дороге между поросших березняком и ельником сопки. Но даже проселочной эту дорогу можно было назвать условно. По сути дела, этой дороги вообще не было, хотя она и отмечалась на картах как существующая. Может быть, летом здесь и можно было проехать на внедорожнике, хотя тоже только в недождливую погоду. А сырой кавказской зимой эта дорога превращалась в транспортную полосу препятствий. Жирный чернозем промок уже, казалось, на несколько дециметров в глубину, налипал на колеса и заставлял крутиться с натугой. А уж как шумели двигатели, с какой тяжестью, и только на второй передаче преодолевалась эта дорога. Бронетранспортеру было легче. Его восемь мощных колес лучше цеплялись за почву, и двигателю приходилось применять меньше усилий для передвижения. Но и бронетранспортер обязан был ориентироваться по скорости на возможности идущих следом за ним грузовиков, поскольку он являлся только сопровождающей колонну бронированной единицей.

Лес на сопках был из тех, что называется «грязным». Впрочем, по всей России сейчас леса стали «грязными». Произошло это по глупости законодателей, принявших Лесной кодекс. Если при советской власти людям, которые забирали из леса себе на дрова сухие и упавшие деревья, платили деньги за очистку леса, то теперь тех, кто лес чистит, крупно штрафуют. И леса постепенно загрязняются, гниют и становятся даже не то что непроходимыми, а непролазными. Вот такой непролазный лес и стоял по обе стороны от проселочной дороги.

Однако «непролазный лес» – понятие относительное, как и все в этом мире. Те, кто в лесу или около него обитают, его знают и прокладывают тропы там, где, кажется, и проложить их невозможно. Они знают, где следует пригнуться, где проползти на четвереньках, чтобы вдвое, если не втрое, сократить путь.

Так вот, сокращая путь, они и вышли к проселочной дороге. И вовремя вышли. Амир Джабраил Исрапилович Уматгиреев только успел расставить своих моджахедов по местам, когда донесся звук беспрестанно надрывающихся автомобильных двигателей. Полицейская колонна приближалась. Но и к ее встрече все было уже готово. Среди камней впереди колонны засел со своим «РПГ-7» Икрам Лорсануков. Икрам обожает стрелять по бронетехнике и хорошо знает, в какое место отправить пули, чтобы выстрел оказался наиболее эффективным. Мовсар Назарбеков уже развернул в боевое положение и положил на плечо тубу одноразового гранатомета «Муха» для замыкающего колонну грузовика. Вторая «Муха» лежит рядом. Мовсар не желает обидеть своим вниманием ни один грузовик. А позади всех, на тот случай если полицейские будут выпрыгивать из горящих грузовиков через задний борт, устроился с пулеметом Насухан Оздемиров. Остальные моджахеды джамаата успели занять позиции с двух сторон дороги и позади, рядом с Насуханом. Их позиции вполне безопасны, друг в друга они попасть не смогут, потому что огонь придется вести вниз под углом в сорок пять градусов. О безопасности амир Джабраил сейчас заботился особо, потому что месяц назад бойцы его же джамаата выставили такую же засаду, только на ровном месте. Стреляли с двух сторон дороги. В результате – двое раненых, одного из которых даже до землянки не донесли. Похоронили прямо на полпути до базы. Обидно, когда свои же своих.

Колонна долго не показывалась. Однако Джабраил Уматгиреев ждать умел и спокойствия не терял. И бойцов своего джамаата готовил к этому же. Дождь и в этот раз. Когда колонна выехала к поваленному дереву, бронетранспортер притормозил, но останавливаться не стал. Елка была не слишком толстая, и механик-водитель бэтэра, видимо, решил, что своротит ее с

дороги. Вообще-то деревья в лесу падают время от времени. И порой случается, что падают они на дорогу, перекрывая движение. И вовсе не обязательно лежавшее дерево говорит о засаде. Но едва броня тяжелой бронемашины коснулась еловых лапок, как ударил «РПГ-7» Икрама Лорсанукова. Видимо, сразу сметонировал боезапас бэтээра. Взрыв был настолько мощным, что помешал услышать выстрел первой «Мухи». Джабраил даже хотел посмотреть через плечо на Мовсара Назарбекова, когда увидел, что замыкающая колонну машина горит. А тут и из второй «Мухи» грохнул выстрел. Мощная граната «РПГ-18» разворотила весь капот грузовика, и даже двигатель из него вывалился. Еще бы, граната имеет калибр шестьдесят четыре миллиметра. Такая любой грузовик развалит.

Подгонять уже было некого. Пока полицейские соображали, что им делать и куда выпрыгивать, Насухан Оздемиров начал стрелять из пулемета прямо через брезентовый тент, который еще и подняться не успел. Тем же самым занялись и сам амир, и все шесть автоматчиков его джамаата. Ментам просто не позволяли покинуть замыкающую машину. Но эта самая замыкающая машина закрывала сектор стрельбы для пулеметчика и не позволяла стрелять по первому грузовику. Но из первого грузовика и выпрыгивать было сложно, потому что второй грузовик не соблюдал дистанцию и ехал очень близко к первому. И теперь через задний борт выпрыгивать было невозможно, второй грузовик так сильно горел, что от него загорелся тент первого. Но менты сообразили, что к чему, и их ножи быстро располосовали тент по бокам. Сначала в отверстия высунулись только автоматы, прикрывающие высадку, а уже через пару секунд стали выпрыгивать наружу, с ходу стреляя, даже не видя, куда стреляют, и сами менты.

Амир Уматгиреев хорошо продумал и проработал свою тактику засад. Две машины вмещают шестьдесят бойцов. Пусть неожиданность атаки и позволила уничтожить сразу два десятка ментов, но вдесятером вести открытый бой с сорока нереально. Амир поднял ракетницу и выпустил зеленую ракету. Даже автоматная и пулеметная стрельба не перебивают мощный выстрел безобидной ракетницы. А уж саму ракету видно издалека, и даже туман и лес не мешают увидеть ее. Отходить начали сразу все. И три моджахеда на противоположном склоне сопки, и все шестеро моджахедов во главе с амиром на этом склоне. Полицейские, естественно, пошли в преследование. И преследовать они начали не троих, а семерых. Так обычно и бывает. Но что такое преследование в грязном, почти непроходимом лесу? Люди амира Уматгиреева заранее подготовили себе тропы и знали каждый метр на этой тропе. Амир заставлял их ходить здесь даже ночью. И не просто ходить, а бегать, когда сам с секундомером в руке проверял, насколько кто готов к участию в операции.

Эта подготовка сказалась. Джамаат отступал быстро и слаженно, тогда как полицейский спецназ наступал толпой, без толкового руководства, ориентируясь при этом каждый на свое видение ситуации и свое умение бегать в таком сложном лесу. А этого умения никому из полицейских не хватало. С двух сторон отход джамаата прикрывали «засеки»¹. Через них вообще невозможно пробраться. Тем более – быстро. Оставалось только обойти с двух сторон или идти по центру. Обойти с двух сторон значило распылить свои силы. На это менты не решились. И правильно сделали, иначе им было бы еще хуже. Но и двигаться по центру тоже был не лучший выход. И это скоро стало понятно. Достигнув определенного места, амир Уматгиреев поднял руку:

– Ложись!

Команда была дана негромкая, чтобы менты-преследователи ее не слышали.

Моджахеды залегли, а амир сунулся под молодую елку и там нашел кнопку пускового устройства со встроенным аккумулятором. Нажатие кнопки активизировало электрический взрыватель мощной мины «МОН-200». Направленное действие осколков этой мины встре-

¹ «Засеки» – поваленные ветвями в одну сторону деревья. Такими оборонительными сооружениями в период раннего Средневековья широко пользовались славяне.

тило первые ряды преследователей и разнесло их в клочья. Основательно досталось, видимо, и двигавшимся следом. Результат взрыва за деревьями виден не был. Тем не менее, судя по голосу огрызающихся на взрыв автоматов, количество преследователей уменьшилось чуть ли не вдвое. А впереди была еще одна такая же мина и еще куча «растяжек».

– Отходим... – подал Джабраил команду. И ответил в сторону преследователей короткой очередью. Фигуру рвущегося в ярости вперед полицейского амир заметил издали. Как раз просвет между деревьями позволял это. И далеко, наверное, мент от своих оторвался. Очередь свалила его сразу. Когда стреляют сверху, голова находится впереди бронжилета. И если вообще в этой обстановке куда-то попадаешь, то, как правило, в голову.

Каждый из моджахедов хорошо знал, где установлены «растяжки». Они были показаны всем еще до того, как амир начал тренировать своих людей на запланированное отступление по этому маршруту. И они ночью через них перешагивали. Перешагивали и теперь. И сам Джабраил дважды перешагнул. Но, когда он был уже за шестьдесят шагов от этого места, полицейские спецназовцы второпях «нашли» «растяжку». И тут же – вторую. Это унесло еще несколько жизней. А тут еще и в тылах преследователей начался переполох. Трое моджахедов, находившихся на противоположном склоне, после того как убедились, что преследование двинулось не в их сторону, сами тут же стали преследовать, подошли предельно близко к ментам и атаковали их. Это было предусмотрено планом Уматгиреева. Такая хладнокровная атака могла быть произведена только хладнокровными бойцами. А Джабраил других в свой джамаат и не брал. И потому его джамаат в самых сложных обстоятельствах был прекрасно управляемым и четко выполняющим все задумки своего амира.

Стрельба в тылах полицейского спецназа прекратилась. Как и было предусмотрено, трое моджахедов, нанеся противнику урон, отошли к дороге. Их преследовать не пытались, решив продолжать преследование только в одну сторону. И нарвались на вторую «МОН-200». Наверное, полицейских уже осталось слишком мало, чтобы они продолжили свое дело. А джамаат уже вышел на заранее подготовленную позицию недалеко от вершины сопки. Там было большое скопление камней среди уже редкой растительности. Словно сама природа решила здесь возвести бастион. Джамаат занял позицию, надеясь, что полицейские, как часто бывает, совсем не имеют голов. Но эти головы имели и уже отступили.

Трое моджахедов, что изначально занимали позицию на противоположном склоне от дороги, пришли через сорок минут. Они и рассказали Джабраилу, что всего лишь двенадцать полицейских спецназовцев спустились к дороге и вынесли двоих тяжелораненых. Рация у ментов сгорела в машине. Связывались они с кем-то по простому телефону сотовой связи, которая в районе успешно обслуживает и полицию, и тех, кто противостоит полиции и власти. После доклада стали сносить на дорогу тела убитых. Но на склон за телами не лезли. А там потери были тоже немалые. Видимо, не решились, опасаясь новой атаки. Знали эти точечные возвратные удары, которые были фирменным стилем амира Уматгиреева. Значит, знали и кто против них выступил. Это амира только радовало, потому что к славе он был равнодушен...

* * *

– Что ты вообще, старлей, себе позволяешь? – возмутился Хумид Цокович Тарамов, подполковник полицейского спецназа. – Ты что, допрашиваешь меня? Может, еще и обвинение предъявишь? Не думаешь, что чином не вышел?

– Обвинение, товарищ подполковник, вам будет предъявлять военная прокуратура, поскольку вы своими неумелыми действиями погубили чуть не весь свой отряд, – спокойно сказал старший лейтенант спецназа ГРУ Березкин. – Я просто пытаюсь разобраться в тактике бандитов и понять, как следовало поступить, чтобы разрушить их планы. И отмечаю одновременно для себя и для вас ваши ошибки как командира. Это уже четвертая операция амира

Уматгиреева, с которой я сталкиваюсь, и везде он ведет себя одинаково. Иначе он не умеет воевать. А вы сунулись в преследование, совершенно не зная, на что он способен. Уматгиреев воюет теперь и в вашем районе. И давно следовало изучить его действия. Запросить информацию.

– Какая у него, на хрен, может быть тактика! Воюет как придется, вот и все... – отмахнулся полицейский подполковник, но смотрел уже не на старшего лейтенанта Березкина, а на сидящего сбоку от стола подполковника Калужного, командира батальона спецназа ГРУ. – Я Джабраила с детства знаю. Ни на что он не способен и ничего придумать не может. Мы с ним в одной школе учились и на соседних улицах росли.

– Четкая и выверенная тактика... Она есть и совершенно отчетливо просматривается, – согласился комбат с мнением командира взвода из своего батальона. – Старший лейтенант Березкин абсолютно прав. И тактика эта у Уматгиреева в крови. Он не может от нее отказаться, потому что другого не может и другого не знает. Так его конституция устроена.

– Чего-чего? – не понял полицейский подполковник Тарамов. – Какая у него такая особая конституция? У нас у всех одна конституция. Для всех россиян!

– Строение тела человека, особенности этого строения, называется конституцией, – терпеливо объяснил подполковник Калужный. – Я с этим делом сталкивался еще тридцать с лишним лет назад. Со строением его тела. Мы с ним в одном весе боксировали. Он уже тогда был типичным аутфайтером². В боксе. А теперь ту же тактику перенес и на свои боевые действия. Мы с ним в те старые добрые времена дважды встречались на ринге. И оба раза он выиграл. Я никак не мог его догнать, чтобы достать ударом. Теперь вот ставлю себе задачу догнать его уже не на ринге, а в боевой обстановке. Чтобы достать пулей. И догоню. Я не привык бросать слова на ветер. Может, и не сам догоню, но солдаты и офицеры моего батальона, это мое продолжение, точно так же, как мой кулак является моим продолжением. Достанут его они, ничего страшного – все равно мой батальон, и солдаты, и офицеры мои.

– Так вы его тоже давно знаете?

– Давно... – тихо сказал подполковник Калужный.

Обычно немногословный, комбат выдал непривычную для себя большую речь, и из-за этого, кажется, даже смутился, замолчал и нахмурился.

– А что вообще вас, товарищ подполковник, занесло на эту дорогу? – спросил старший лейтенант Березкин, переводя разговор на себя, чтобы комбат мог оправиться от смущения. – Пути вроде бы не наезженные.

– Езженные пути. Ближайший путь в окраинное село района. На границе с Дагестаном. Есть кружная приличная дорога, но там приходится ехать через соседний район, а это на сто двадцать километров дальше. По телефону поступило сообщение, что амир Уматгиреев с бандой напал на село, расстрелял главу сельской администрации с двумя замами и участкового. Мы сразу и выехали всеми силами, что нашлись в районе. Сразу по самой короткой дороге. А как иначе, торопиться следовало.

– Вот здесь я и вижу вашу ошибку. Если бы вы поинтересовались делами Уматгиреева в других местах, вы бы так... мягко говоря, не подумав... не сунулись бы в засаду. Третий аналогичный случай заманивания полиции в ловушку. Одним и тем же способом. И все один Уматгиреев. Разве это не тактика? И работает эта тактика, третий раз уже сработала. А все потому, что информация о действиях банд в полиции не анализируется, не классифицируется и не осуществляется циркулярная рассылка информации. А если это и делается, то все материалы остаются на каком-то более высоком уровне, прилипают к чьим-то столам и до мест не доходят.

² Аутфайтер – в боксе, представитель определенного стиля, диктуемого конституцией тела.

Подполковник полицейского спецназа ничего не возразил. По большому счету, информация о действиях амира Уматгиреева была в обычных общих сводках. Это старший лейтенант спецназа встречается с делами Уматгиреева в четвертый раз. А по сводкам он проходил гораздо чаще. И можно было бы это все выписать, собрать вместе и проанализировать. Даже на своем районном уровне, поскольку сам Джабраил родом из этого района, из самого райцентра, и все ждали, что он появится в родном районе. И вот он появился, сразу отметившись такой бойней. Очень жестко и жестоко действовал. Сам подполковник Тарамов толком и не понял, как и что там произошло. Ему казалось, что он действовал правильно, как и должен был бы действовать, и заслужил только похвалу, несмотря на такие громадные потери в личном составе. А потом в качестве прикрытия прибыл вместе со следственной бригадой спецназ ГРУ. Обычно спецназ ГРУ не используют в качестве прикрытия. Для этого существует полицейский спецназ. Но если в районе перебили полицейский спецназ, то пришлось выделить спецназ ГРУ из соседнего района. И этот старший лейтенант со смешной детской фамилией Березкин вместе со своим комбатом облазил все вокруг и вместе с экспертами из следственной бригады, и даже без них. Может быть, они и хорошие следопыты, но подполковнику Тарамову не понравилось, как спецназовцы описали произошедшее, выставив самого подполковника чуть ли не дураком и безграмотным офицером. Хотя следователи к рассуждениям спецназовцев прислушались и даже фотографировали места установления мин и «растяжек», то есть доказывали подготовленный характер всех действий амира Джабраила Уматгиреева. И на карте карандашом отметили натоптанные тропы, которыми он уходил. Подполковник Тарамов попытался возразить, сказав, что это наверняка какие-то старые тропы, потому что в нескольких местах их перекрывают упавшие деревья. Так этот дотошный старший лейтенант не поленился залезть под упавшую елку и проверить. Под деревом тропы не было. Тропа шла до ствола, потом предстояло проползать под стволом, а дальше начиналась новая тропа. Вообще-то, как считал Хумид Цоквич, все виды спецназа – почти родня и не должен один спецназовец так подставлять другого. А получалось, что эти спецназовцы военной разведки специально собирали факты, чтобы обвинить Тарамова. Они что, будут лучше себя чувствовать, если докажут, что Хамид Цоквич действовал неправильно? Или им кто-то поставил такую задачу? Второе больше походило на правду. Хамид Цоквич знал многих своих недоброжелателей, которые сами против него ничего предпринять не решаются, но не побрезгуют действовать с помощью других людей.

Молодой следователь из республиканского военного следственного управления сидел неподалеку и слушал, о чем идет разговор. Подполковнику Тарамову показалось, что и слушает следователь не случайно. Наверное, и этот указание получил. Но следователь, как оказалось, интересовался другим. И спросил подполковника спецназа ГРУ:

– Вы, товарищ подполковник, в каком весе боксировали?

– В «тяге»³.

– В супер или в первом?

– В мои времена был один тяжелый вес – свыше восьмидесяти одного килограмма. У меня собственный вес был восемьдесят семь. Если до «полутяга»⁴ сгонял, тяжело было боксировать. Тогда боксировали три раунда по три минуты. Меня после сгонки веса только на два раунда хватало. Я тогда сухой был, без капли жира. Сгонять нечего было. Себя изматывал. Потом это дело бросил. Просто устал. А в «тяге» мне роста не хватало. Там почти все выше меня были. Пока подойдешь, чтобы его ударить, тебе пять раз врежут. А удары в «тяге» солидные. Голова гудит. Тогда совсем другой бокс был. Не теперешний. Это сейчас... Перчатки такие, что кулак не сожмешь. Шлемы эти... Мы их даже на тренировках не надевали, хотя на сборах порой и заставляли. Сделали из бокса женскую толкотню. А в наши времена били, так

³ В тяжелом весе.

⁴ Полутяжелый вес.

уж били. Не хуже, чем в «профи». И уж после того, как я бокс бросил, сделали первый тяжелый вес, до девяносто одного «кэгэ». Как раз бы мне там боксировать, но мой поезд уже ушел...

– А Уматгиреев был хорошим боксером? – спросил следователь.

– Мы примерно одного уровня считались. Оба мастера. Звезд с неба не хватало, на союзный уровень не тянули, но где-то на третьих, иногда даже на вторых ролях быть могли. Но тогда у нас в стране тяжелый вес вообще мощным был. И мне с Уматгиреевым мало что «светило». И высокие были, выше Джабраила, и даже ниже меня, но суперталанты, не как я. Нас близко от сборной не рассматривали. Держали на дальних подступах. А стили у нас разные. Тогда и слова-то такого не знали – аутфайтер. Это сейчас так говорят, когда профессионалы у нас появились. А я по этой классификации был ярко выраженный панчер. На удар, то есть, боксировал. Удар у меня был неплохой, да и сейчас что-то от бывшего осталось. Форму поддерживаю. Только уже боевую. Сейчас стараюсь бить так, чтобы после удара противник не встал. А для этого желательно что-то иметь в руке. Хотя бы малую саперную лопатку.

Старший лейтенант Березкин смотрел на своего комбата с удивлением. Наверное, за все время их совместной службы старший лейтенант не слышал от комбата столько подряд произнесенных слов, как сейчас. Похоже, что подполковник Калужный волнуется, вспоминая Джабраила Уматгиреева. И это волнение выражается в излишней говорливости.

– И что теперь? – непонятно о чем спросил полицейский подполковник.

– Теперь будем активно ловить Джабраила, – ответил подполковник спецназа ГРУ.

– А как его поймаешь? – ухмыльнулся Тарамов. – Он порхает как бабочка...

– И жалит как пчела... – добавил следователь. Видимо, что-то понимал в боксе.

– Нет, до того уровня он недотягивал, – ответил следователю непонятными для Тарамова словами подполковник Калужный. – Не хватало таланта. А это значит, догоним и поймаем обязательно. У меня никаких сомнений нет.

Глава первая

Совещание проходило в республиканском управлении ФСБ, где тоже сильно обеспокоились активизировавшейся активностью амира Уматгиреева. Естественно, старшего лейтенанта Березкина, как и других командиров взводов спецназа, на такие совещания не пригласили. Но командира батальона спецназа ГРУ подполковника Калужного позвали, поскольку именно ему была отведена роль основного охотника за неуловимым амиром. Подполковник уже подавил свое волнение, пришедшее вместе с воспоминаниями, и теперь был привычно молчаливым и неразговорчивым. Войдя в кабинет, где проходило совещание, он сказал только общее «Здоровья желаю» и дальше во время совещания помалкивал, отвечая лишь коротко и конкретно, если его спрашивали. Теория бокса, проповедуемая когда-то Мохаммедом Али – «Порхать как бабочка. Жалить как пчела», – стала почти официально относиться к амиру Уматгирееву. И потому с чьей-то легкой руки подполковника Калужного сразу назвали инсектологом⁵. Он, впрочем, не возразил.

На совещании в ФСБ, как обычно, ставились одни и те же вопросы. Ни для кого не секрет, что большинство бандитских амиров попадают на своих связях с внешним миром. И требовалось включить все агентурные сети: и ФСБ, и МВД, и военной разведки, которая, не имея следственных органов и следственных полномочий, обычно пользуется услугами платных осведомителей. Их и требовалось потормозить, чтобы обнаружить связи Уматгиреева.

Помимо того что следовало «подогнать» агентуру, ФСБ брала на себя функции работы с операторами сотовой связи по проведению биллинга⁶ в том районе, где была совершена последняя вылазка банды. Вообще-то операторы сами осуществляют биллинг, и поэтому от ФСБ требуется только вычислить поступившие в определенное время в определенном месте звонки, узнать номера телефонов и их обладателей.

Второй важный вопрос, поднимаемый на совещании, касался причин, которые толкнули амира Уматгиреева на такую активизацию – четыре «вылазки» в течение месяца. Если он раньше «отмечался» один раз в квартал, то это было для всех бандитов естественным, и Джабраила Уматгиреева можно было отнести к рядовым малозаметным амирам, которые даже не пытаются сделать себе рекламу письмами в прессу или выставленными в Интернете видеообращениями. Но каждую неделю – это уже слишком. Для такой активности нужны веские причины. Но причин никто не знал. Однако, чтобы их найти, требовалось хотя бы приблизительно знать направление, в котором следует искать.

– Может, у него просто осеннее обострение... – предположил представитель МВД.

Весенние и осенние обострения, свойственные психически больным людям, обычно не рассматриваются на таких совещаниях, куда врачей, как правило, не приглашают.

– Осень уже кончилась, – не поддержал шутку полковник Дагаев, руководитель одного из отделов республиканского ФСБ. – Кроме того, мне кажется, что санитары психоневрологического диспансера с задачей поимки Джабраила не справятся. Он их встретит пулеметами. И никакая смиренная рубашка не поможет. А что по этому поводу думает военная разведка?

– Военная разведка думает, что нужно искать связи Джабраила Уматгиреева с границей.

– Вариант, – согласился Дагаев. – А конкретнее...

– Возможно, ему платят за активность. Возможно, так он зарабатывает себе имя и имидж, чтобы уехать куда-то туда, где примут только известного человека. Примут так, как ему хотелось бы. Надо искать...

⁵ Ученый, специалист по жизни насекомых, иногда так называют коллекционеров бабочек. То же самое, что энтомолог.

⁶ Анализ осуществления связи, проводимый операторами связи.

– В этом есть рациональное зерно. И такой вариант стоит рассмотреть. Только хотелось бы знать: на чем основывается ваше предположение?

– На статистике, – коротко ответил Калужный. Но все-таки разъяснил: – В прошлом году во время командировки в Дагестан подразделениями моего батальона были уничтожены две банды, которые активировали свою деятельность точно так же, как Уматгиреев. В первом случае амир, уже чувствующий, что здесь его вот-вот поймают, намеревался сбежать в Пакистан и примкнуть к талибам. Но, желая быть там не последним человеком, он хотел, чтобы после его отъезда в республике остался кровавый след, а сам он был бы объявлен в международный розыск. Талибы с удовольствием принимают у себя людей, числящихся в международном розыске. Об этом тоже говорит статистика. И такие люди у талибов не на последних ролях. Второй амир получал неплохие деньги из Саудовской Аравии и Катара. И получал не на операцию, а после того, как представлял видеосюжет в подтверждение уже проведенной акции. Тоже намеревался уехать за границу и жить там на эти вот свои, так сказать, «зарботки». На эти зарботки можно жить на широкую ногу. Когда этого амира убили и вытряхнули содержимое его рюкзака, у двух пленных бандитов, помнится, глаза на лоб полезли. Их амир постоянно жаловался на отсутствие денег, но носил с собой в рюкзаке два с половиной миллиона евро. Кроме того, имел несколько тайников, два из которых мы нашли. Там было еще шесть миллионов в той же валюте. Платили ему щедро. Семью, кстати, этот амир уже поселил на Кипре, где купил шикарный дом с видом на море, с бассейном и местной охраной. Видимо, и счета у него имелись в кипрских банках.

– Да. Уматгиреева следует на этот счет проверить, – согласился полковник Дагаев. – Где его семья?

Вопрос относился к представителю МВД, озабоченному психопатами.

– Старшая дочь учится во Франции. Но имеет гражданство России. Бавлшекар Даудовна, жена Джабраила, и трое младших детей живут в Турции. Старший сын, по слухам, собирается ехать во Францию к сестре, чтобы там продолжить учебу. Об условиях жизни семьи нам ничего не известно. А вся информация о семье получена от бабушки детей, от матери Бавлшекар. Наверное, естественно предположить, что семья не бедствует, если дети могут себе позволить учиться во Франции. Но все данные из нашего досье говорят о том, что Джабраил является человеком не жадным. Он дал денег на покупку квартиры в Москве вдове своего убитого боевика. С бандитами постоянно делится. Они на него не в обиде.

– Да, раньше по характеру он не был жадным человеком, – согласился подполковник Калужный. – Даже всегда был готов предложить услуги.

– Вы, Юрий Михайлович, его хорошо знаете? – спросил полковник Дагаев. – Ах да, мне же говорили, что вы с ним когда-то в молодости вместе занимались боксом.

– Мы однажды даже жили на сборах в одной комнате спортивной базы. Целых две недели, – сказал комбат спецназа ГРУ, удивленный тем, как быстро здесь распространяются слухи. Вроде бы только утром рассказывал следователю военного следственного комитета. При этом, правда, присутствовали еще старший лейтенант Березкин и подполковник полицейского спецназа Тарамов, которого, кстати, на время разбирательства отстранили от должности. Но кто-то уже разнес сведения. У Березкина здесь знакомых нет. Он не впервые в республике, тем не менее не успел обзавестись знакомствами, которые могли бы донести информацию до ФСБ. Да и вообще старший лейтенант – человек не из болтливых. Хумиду Тарамову, скорее всего, не до этого. Он озабочен своей судьбой и ищет в верхах связи, которые могут повлиять на его судьбу. Остается только следователь. Тем более ФСБ плотно контактирует со следственными органами, хотя и имеет собственный следственный комитет. Впрочем, это была не та информация, которая закрывается грифом секретности, и ничего страшного не произошло. Хотя тоже неприятно. Подполковник Калужный хорошо знал, как образуются и как разрастаются слухи. Вот обмолвился он фразой о том, что когда-то проиграл два боя Уматгирееву. Местные

патриоты эти бои, о которых никогда раньше и не слышали, распишут и разрисуют так, что сами участники никогда не поймут, что речь идет о них. Но такова уж особенность хождения слухов, когда каждый добавляет к картине что-то свое, колоритное, на его взгляд. Калужному не хотелось бы, чтобы о нем говорили как о жестоко избитом, а здесь будут говорить, судя по всему, именно так. Здесь бандит всегда пользуется большей популярностью, чем офицер спецназа. И все симпатии будут на его стороне.

– Значит, основные пути нами определены, – подвел предварительный итог полковник Дагаев. – На сегодня это все. Теперь мои оперативные сотрудники распишут планы по всем направлениям, и тогда мы снова соберемся. Вас прошу заняться собственной агентурой. Давите, давите на них. Пусть ищут. А теперь попрошу всех разобрать приблизительный список состава банды Уматгиреева. Здесь не все, но все, кого мы знаем. Пять человек. Рядом с каждой фамилией домашний адрес и старые связи: друзья, подруги, соседи, недруги – этих больше всего, их фамилии подчеркнуты, и с этих, на мой взгляд, следует начинать, и вообще здесь все, что возможно было найти в нашем архиве. Может, это поможет.

Полковник вытащил из стола стопку листов с принтерной распечаткой. Материал небогатый, тем не менее приходилось цепляться за все, за что можно зацепиться.

* * *

Хорошо, что у здания ФСБ стояли скамейки. Можно посидеть в этот пусть и зимний, но солнечный день, похожий чем-то на день весенний. Может быть, тем, что вокруг таял снег. Еще утром был туман. И не только там, где устраивал засаду амир Уматгиреев. Туман был даже в столице республики. Но туман, как правило, предвещает приход тепла. Сначала, правда, дул сильный ветер, унес с собой и туман, и тучи и очистил небо. Ветер стих так же внезапно, как налетел, и все вокруг засверкало на солнце. Хлипкий снег в газонах сначала показал проталины-пробоины, а потом и вовсе начал таять. Если такая погода долго продержится, Новый год придется встречать без снега. Впрочем, за долгую службу подполковника Калужного такие праздники уже встречались. Еще лейтенантом ему доводилось встречать Новый год в Анголе, в Южном полушарии, где на январь приходится разгар лета. И пусть тогда советское судно привезло на всех одну елку, без снега она тоже смотрелась пальмой. А на следующий Новый год Юрия Михайловича угораздило попасть в Никарагуа, где на новогодние праздники традиционно льют сезонные ливни. Тоже мало приятного. Там даже елки не было.

Дождаясь машину, подполковник сел на скамейку. Он уже позвонил, чтобы за ним выслали автомобиль. Но он задерживался. Как многие офицеры спецназа ГРУ, подполковник Калужный, выполняя пожелание командования, получил второе образование. В спецназе ГРУ рекомендовалось получать образование гуманитарное. Вызвано это было тем, что служба делает офицеров жесткими, и в жизни это может неблагоприятно сказаться на характере человека. Юрий Михайлович выбрал себе гражданскую профессию социального психолога, считая, что такая профессия поможет ему и в службе. Она и в самом деле частенько помогала. Например, дожидаясь опаздывающую машину, подполковник Калужный не нервничал. Он знал, что по законам психологии, если человек ждет другого человека, он склонен винить его в неаккуратности, в расхлябанности, особенно в армии. Но если сам куда-то опаздывает, всегда найдет объективную причину для собственного оправдания. Дорожные пробки или еще что-то. А если не винить кого-то другого и ему искать оправдание, собственное ожидание переносится несравненно легче.

Машина наконец-то пришла. Это была собственная машина спецназа ГРУ, а не прикрепленная из части, где спецназ арендовал помещения и территорию. Прикрепленные машины тоже часто использовали. В основном это была тяжелая техника, грузовики, бронетранспортеры и бмп вместе с экипажами. Но в этот раз в командировку на Северный Кавказ батальон

спецназа ГРУ, составляющий Отдельный отряд военной разведки округа, захватил с собой из бригадного гаража и «уазик», и бронетранспортер, и даже БМП. В этом случае экипажи бронетранспортера и боевой машины пехоты укомплектовывались своими же, проверенными, бойцами. Так было легче работать.

За подполковником приехал старый тряский «уазик», украшенный внутри салона солдатскими поделками из органического стекла. Так, набалдашник рычага переключения передач был из прозрачного оргстекла, внутри которого находилась красная роза. Такие украшения машины были безвкусными, тем не менее подполковника это не напрягало. Он вообще не любил никому, даже солдатам, делать замечания. И делал их только в исключительных случаях. И потому водители любили ездить с Калужным. И солдаты любили, когда комбат отправлялся с ними на операцию. И сейчас подполковник даже не спросил старшего сержанта, приехавшего за ним, почему так долго добирался. Город небольшой, хоть и столица республики. А до города от части добираться всего-то десять минут. Можно за полчаса приехать, а машину пришлось ждать почти час.

Обратная дорога, как ей и полагалось, заняла около получаса.

Комбат сразу вызвал к себе старшего лейтенанта Березкина. Тот быстро явился.

– Сергей Ильич, ты как, агентурой не успел обрасти?

Старший лейтенант только пожал крепкими плечами.

– Всерьез обрасти за месяц, что мы здесь, невозможно, товарищ подполковник. Есть пара человек в селе, где работали в прошлый раз. Но это не агентура. Так... Разговаривали по душам...

– Это далеко. Нужно искать там, где мы собираемся работать. И даже в самом райцентре.

– Да. Я уже думал. Нужно узнать у подполковника Тарамова маршрут, которым они проезжали через село. Наверняка кто-то смотрел в окно за проезжающими машинами, позвонил Уматгирееву и предупредил. Или он выставлял на выезде из райцентра своего человека и тот звонил. Лежал где-нибудь среди камней или кустов и ждал. Хотя второй вариант маловероятен. У Уматгиреева не такая большая банда, чтобы так расставлять людей. У него каждый ствол на счету. Да еще ему пришлось четверых отправить в дальнее село, чтобы там главу сельской администрации расстрелять.

– Стоп! – сказал подполковник.

Старший лейтенант послушно замолчал.

– Чувствуешь, мимо чего все прошли, не заметив?

– Звонок!

– Да. Тарамов нам сказал, что поступило сообщение о расстреле главы сельской администрации, двух его замов и участкового полицейского. Как мы знаем, в расстреле принимали участие четыре человека из банды Уматгиреева. Мог там в момент расстрела быть сам Джабраил? При чем его там должны были узнать...

– Расстояние в четыре раза больше, чем до райцентра. Доехать даже по хорошей дороге возможности у амира не было.

– Правильно. Необходимо выяснить, от кого поступил звонок с сообщением. В полиции обычно все входящие звонки фиксируются. И звонивший, скорее всего, представился. Обычно в таких ситуациях люди сами себя называют. Если не называют, полицейские их спрашивают. Это первое, что нам следует завтра выяснить. И еще следует поискать осведомителей. У тебя есть номера командиров взводов из другого батальона, кто здесь работал?

– От силы один номер. Хотя не знаю, в каком районе.

– Ладно. Я сделаю официальный запрос в бригаду. Они там подготовят данные для передачи агентуры. И даже с другими бригадами смогут связаться. Это будет надежнее. Завтра с утра вместе с тобой туда отправимся. Готовь одно отделение. Поедем на бэтээре. А сейчас, если тебе не трудно, пришли ко мне шифровальщика. Он, наверное, в казарме сидит...

* * *

Шифровальщик сразу отправил подготовленный подполковником запрос в бригаду. Быстрый ответ пришел через несколько минут, и старшина срочной службы принес его ввиду срочности в нераспечатанном виде на специальном бланке – на простом листе. Сообщалось, что подготовить данные удастся не раньше завтрашнего дня.

– Завтра, как только получишь, сразу доложи, – строго предупредил комбат старшину-шифровальщика. – Меня не будет, доложи начальнику штаба. Пусть разберется и мне позвонит.

– Понял, товарищ подполковник. Сделаю, – пообещал старшина.

Он вообще-то в батальоне выполнял еще и обязанности инструктора по рукопашному бою и мог в какое-то время находиться на занятиях, но если приходит срочная шифротелеграмма, посыльный с узла связи сразу находит шифровальщика.

Отправив шифровальщика, комбат заглянул к своему начальнику штаба майору Денисову и коротко обрисовал ему ситуацию, чтобы майор был в курсе и не потерял на следующий день комбата. И только после этого подполковник ушел в свой кабинет, закрыл изнутри дверь на ключ и перешел в соседнюю комнатушку, где у него стояли стол с компьютером и кровать. На нормальной кровати подполковник Калужный не спал уже трое суток. Он командовал операцией, в которой участвовали три взвода его батальона. Блокировали, а потом и уничтожили в лесистых горах банду, состоящую из трех бандитов. Такие большие силы были задействованы не потому, что бандиты были серьезными бойцами, а потому, что у них существовало множество возможностей избежать окружения. Но силами трех взводов все выходы были перекрыты, и бандиты, попытавшиеся сначала уйти все вместе, потом разбежавшиеся поодиночке, вынуждены были вернуться в свою «нору», вырытую в склоне хребта прямо под корнями елей. Ели имеют поверхностные широко раскинутые корни, и потому нору хорошо маскировали. На предложение сдаться они ответили активной стрельбой, и при этом патроны не жалели. Спецназ знал, что в этой норе находится большой склад вооружения, и потому бандитов не уничтожили, когда они пытались сбежать. Необходимо было, чтобы они сами показали «нору». Они и показали, но хотели повоевать. Во избежание жертв спецназ не торопился провести ликвидацию. И только после того, как поступил сигнал из соседнего района о диверсии амира Уматгиреева, подполковник Калужный позвонил и попросил прислать ему минометный дивизион.

Дивизион прибыл через час с небольшим. Шесть 82-миллиметровых минометов в несколько залпов не просто проломили перекрытие бандитской «норы», но и уничтожили там большой боезапас, о чем сообщил мощный взрыв, перепахавший склон горы вместе с деревьями. После такого взрыва в «норе» даже теоретически не могло никого остаться в живых. Даже остатки тел разбросало в разные стороны. Но следствию требовалось доказать, что бандиты в самом деле уничтожены, и потому подполковник Калужный оставил два взвода искать останки и договариваться со следственной бригадой, а сам с одним взводом отправился на грузовике в сопровождении БМП в соседний район. Конечно, прибыл он уже тогда, когда помочь чем-то попавшему в засаду отряду полицейского спецназа было невозможно. Как невозможно было и организовывать преследование организаторов засады. Оставалось только тщательно осмотреть место. А заодно взвод попросили выступить в качестве охраны следственной бригады, которая прилетела на вертолете одновременно с прибытием взвода спецназа ГРУ. Это тем более делало невозможным организацию преследования Уматгиреева. Да и кроме того, подполковник Калужный, хорошо изучив манеру действий Джабраила, понимал, что тот может находиться неподалеку и наблюдать за происходящим. И если взвод спецназа ГРУ куда-то удалится, бандиты могут атаковать следственную бригаду, не способную оказать серьезного сопротивления, поскольку вооружена она только пистолетами. И вина за это будет возложена

на командира батальона спецназа ГРУ, хотя официального приказа принять под охрану следственную бригаду он не получал, а выслушал только просьбу представителя республиканского антитеррористического комитета. Но если сразу не отказался, значит, согласился. И потому пришлось помогать следственной бригаде. Там, конечно, были опытные следователи и эксперты, но без помощи спецназа ГРУ они не смогли бы составить полной картины произошедшего. Причем подполковник Калужный и старший лейтенант Березкин составили даже не единую картину, а поэтапную и смогли отследить то, что Уматгиреев к этой засаде тщательно готовился, выверяя каждое и свое действие и действие противника. И, следуя в точности продуманному плану, сумел малыми силами уничтожить шестикратно превосходящий его численностью отряд полицейского спецназа почти полностью. Двенадцать оставшихся в живых полицейских сами ничего понять не могли – как это их так, грубо говоря, «разделали», как не мог этого понять и командир отряда спецназа подполковник полиции Тарамов, которому долго пришлось объяснять, каким образом он влез в ловушку.

Глава вторая

После удачно проведенной операции Джабраил был готов считать себя военным гением, хотя тактика подобных ловушек придумана не им и была применена в гораздо больших масштабах Наполеоном во время итальянского похода, когда он, имея небольшие силы, основательно потрепал австрийские войска. Но Уматгиреев, если бы услышал такое, сильно удивился бы, потому что он понятия не имел о его походах и манере воевать и даже затруднился бы сказать, в какую эпоху жил Наполеон. Но свой успех Джабраил оценил по достоинству. При этом уверен был, что имам Габисов тоже оценит его действия. Потому что имам Гойтемир Габисов – это единственное лицо, перед которым амир Уматгиреев отчитывался за свои действия. Когда имам Габисов вернулся в Чечню, он не случайно среди многих амиров, как думалось Джабраилу, выбрал для претворения в жизнь совместных планов именно его и его джамаат. Конечно, эти планы только условно можно назвать совместными, и Уматгиреев отдавал должное восточной вежливости имама, который часто произносил эту фразу о совместных планах. Более того, сам имам Габисов не однажды проговаривался, что это даже не его планы, а он является только проводником в жизнь больших и нужных идей по переустройству мира.

– Вот ты представь себе такую картину. Стоит посреди Нью-Йорка громадный небоскреб. С верхнего этажа далеко вокруг видно. И стоит у окна американский миллиардер. Смотрит на мир свысока и считает, что он выше всех, что он миром правит. И думается этому миллиардеру, что он имеет право посылать куда-то войска, чтобы поддерживать такой порядок, какой ему хочется иметь. И весь этот порядок, американский порядок, как его называют, направлен на то, чтобы у миллиардера было больше миллиардов, чтобы он мог есть что захочет, развлекаться как захочет, делать то, что захочет. И не понимает этот миллиардер, что существуют в мире еще и такие горы, как Кавказ. И где-то в горном селе выходит к обрыву пожилая женщина, выводит туда внука и смотрит вдаль. И ей, и внуку тоже далеко видно. Они находятся гораздо выше того миллиардера. Но у них нет миллиардов, чтобы посылать куда-то войска и устанавливать свой порядок, у них нет желания увеличивать свои миллиарды. Они хотят возносить Аллаху молитвы и жить такой жизнью, какой им хочется. А их жизнь и их помыслы настолько же чище жизни и помыслов миллиардера, насколько горный воздух чище воздуха Нью-Йорка. И они хотят, чтобы правили миром люди с чистыми помыслами, а не богатые, думающие лишь о собственном благе. Аллах донес до нас умение жить правильно. И наша с тобой задача в том и состоит, чтобы дать возможность людям, благодарным Аллаху за жизнь, не подчиняться воле миллиардера. И это не зависит от того, где стоит тот высокий небоскреб – в Нью-Йорке или в Лондоне, в Париже или в Москве. У них одни помыслы. У нас чистые мысли о великом халифате, который объединит мусульманский мир. И, служа этому делу, мы с тобой служим Аллаху, равно служим, невзирая на звания и сан. Здесь и сейчас нас пока мало. Но к нам придут на помощь. А мы и малыми силами сможем добиться того, чтобы нас признали. Ты умеешь побеждать малыми силами. Но и ты знаешь, что это только временная победа. Нужны большие силы, чтобы противник отступил. И они придут к нам с тобой на помощь, когда мы покажем, что мы здесь, что мы подготовили плацдарм для прихода больших сил. Придут наши братья чеченцы. Они уже собираются вместе и готовы к возвращению на Родину.

Эти слова имама Габисова глубоко запали в душу амира Уматгиреева и воодушевили его. Так воодушевили, что он проявил неслыханную для других амиров активность и четыре недели подряд совершал рейды. Причем каждый последующий был успешнее предыдущего. Вообще-то в том состоянии духа, в котором сейчас находился Уматгиреев, он мог бы выступать и чаще, он готов был к постоянным боям. Но при этом не забывал, что его бои и вылазки должны быть успешными. Иначе грош цена всем его усилиям. И чтобы акция стала успешной, ее следовало основательно подготовить. Вот эта-то подготовка и отнимала у амира так

много времени и не позволяла демонстрировать себя более часто. Приходилось еще перемещаться. Нельзя было постоянно действовать в одном и том же месте. Но перемещениями ведал сам имам Габисов, руководствуясь при этом какими-то своими помыслами и целями. Уловить систему в этих перемещениях было не сложно. Джамаат постоянно уходил на юг и на юго-восток. То есть к границам с Дагестаном и Грузией. И пусть одна граница называлась административной, а другая государственной, они все равно были границами. Чего добивался Гойтемир Габисов, Джабраил понимал, поскольку имам уже сам говорил об этом почти открыто:

– Чтобы к нам пришла помощь, мы должны показать, что здесь есть стоящие люди, которых необходимо поддержать. Поддержка может прийти только из-за границы. Я не знаю, откуда она придет, может быть, через Грузию, может быть, через Азербайджан, но она уже в пути. Путь от Дамаска до Кавказа не близкий. Но он преодолимый.

Про Сирию имам говорил несколько раз, и Джабраил понял, что тот приехал в Чечню оттуда. И однажды даже задал, как сам потом понял, наивный вопрос:

– Скажите, имам, а почему не удалось подчинить Сирию? Это же страна нашего мира, исламского? И все соседи были против Дамаска. Почему?

– Это вопрос стратегический. Обрати внимание. Из небольших волнений выросла большая война. Почему? Когда страны Запада откровенно помогали нам, наши силы росли, мы брали город за городом, и не могли власти оказать нам сопротивления. Их военачальники переходили один за другим на нашу сторону. А потом что-то сломалось в механизме. Изменилась общая политика. Нас перестали поддерживать. Да и внутри все не так, как у нас. Там же нусайриты⁷. Даже их президент Асад происходит из их среды, хотя назвать его истинно верующим мусульманином трудно. Но сопротивление нам было оказано самим народом, там проживающим. Еще сильно мешали шиитский Иран и шииты Ливана. Здесь все должно быть иначе. Народ на Кавказе поддержит вернувшихся правоверных, как уже поддержал однажды Джохара Дудаева. И это будет началом конца российского Кавказа. Россия всегда стояла особняком от других развитых стран. И если начнется расчленение России на Кавказе, а затем продолжится в других областях, где живут мусульмане, развитые страны Запада будут поддерживать нас. Они не понимают, что будут следующими на очереди. Но это вопрос отдаленного будущего. Сначала – Россия, против которой готов выступить весь мир. Но чтобы народ поддержал нас, есть обязательное правило. Народ всегда поддерживает своих героев. И нужно множество побед. Пусть в мелких стычках, но эти победы нужны. Нужна слава. И ты эту славу нам добудешь. А уж я постараюсь распространить слухи о твоих победах так, что ты сам их не узнаешь в чужих рассказах. Для этого у меня есть возможности. Твое дело – добывать красивые победы, которые привлекут к нам внимание.

И амир Уматгиреев правильно понимал свою роль. Пока имам Габисов был доволен им. После последнего боя будет доволен еще больше. В этом можно не сомневаться...

* * *

Амир Уматгиреев очень удивился бы, если бы узнал, что многие его действия предсказуемы. Он считал, что его военные хитрости слишком мудры для тех, против кого он их готовит. И они никогда не смогут разгадать то, что он задумал. И использовал он при этом свое собственное хладнокровие и хладнокровие своих бойцов, которых по подсказке имама Габисова в последнее время стал звать только моджахедами⁸. Чтобы как-нибудь не оговориться при имаме, Джабраил даже мысленно звал бойцов моджахедами.

⁷ Нусайриты – алавиты, представители одной из ветвей вероучения шиитов, стоящей на грани между исламом и христианством.

⁸ Моджахед – происходит от арабского «муджахид», множественное число слова «муджахидин» – участник джихада.

Минувшим утром, когда остатки полицейского спецназа, приблизительно сравнявшись численностью с джамаатом нападавших, отступили вниз на дорогу и заняли позицию около останков своих транспортных средств, сам Уматгиреев не торопился скрыться. Обойдя сопку, в заранее условленном месте он встретился с теми, кто атаковал полицейский спецназ с противоположного склона, а потом еще и в спину, когда полицейские начали было преследование основных сил джамаата. Три моджахеда вернулись довольные и собой, и своим амиром. Они видели больше, чем увидел амир, – прошли по трупам полицейских, и их чувства можно было представить. Их башмаки были испачканы кровью врагов, и они с радостью показывали это амиру. Оставалось дожидаться подхода еще четверых, которые напали на отдаленное село. Но те, когда подойдут, в любом случае дождутся джамаат. Так все было обговорено заранее. И Джабраил не стал терять время. Он с основными силами снова вернулся к дороге, только на пару километров дальше. Но и через пару километров до него донесся запах паленой резины. Запах полз снизу вместе с легким туманом и таким же легким ветерком.

Амир сначала взял с собой только троих гранатометчиков, поднялся с ними на десяток метров в гору и подошел по склону сопки к месту недавней засады ближе, только полста метров не добравшись до левой «засеки». Лес на склоне был, говоря попросту, труднопроходимым. Но Джабраил, заранее просчитывая все свои ходы, также заранее приказал проложить здесь неприметную тропу. Старания его были оправданы с точки зрения обычной практики. А в соответствии с обычной практикой после такого происшествия, как уничтожение значительной живой силы полиции в засаде, на место происшествия прибывала следственная бригада. В качестве прикрытия со следственной бригадой обычно выезжало шесть-восемь полицейских. Это, конечно, не то подразделение, которое сможет остановить джамаат Уматгиреева, и даже, наоборот, может его только привлечь и стать для него самого и для его джамаата объектом атаки. Эту атаку и планировал провести Джабраил следом за атакой на полицейскую колонну. И даже специально для этой цели приказал своим гранатометчикам захватить с собой осколочные гранаты.

Джамаат Уматгиреева еще два с половиной года назад «разжился» неплохим запасом гранат для своих гранатометчиков, «приватизировав» с помощью продажных ментов их склад. Но там были гранаты только российского производства. А российская военная промышленность выпускает для гранатометов только бронебойные и термобарические гранаты. И приходилось по мере надобности покупать у других амиров или же просто менять свои бронебойные гранаты на осколочные гранаты арабского или китайского производства. Таких гранат в джамаате всегда не хватало. Тем не менее Джабраил приказал взять с собой на эту операцию весь оставшийся запас. И предназначался он для следственной бригады, которую в качестве сил сопротивления вообще не было смысла рассматривать, и для сопровождающих их ментов, к которым должны были примкнуть уцелевшие менты из колонны полицейского спецназа. Стоило ли тем выживать после первой атаки, чтобы погибнуть в повторной, – этот вопрос был спорным.

Однако, выйдя на расстояние прямой видимости, Джабраил долго рассматривал прибывшие на место происшествия силы и убедился, что в качестве охраны у следственной бригады в этот раз выступили армейцы, причем в немалом количестве. Это кардинально меняло ситуацию. В отличие от полиции армия обычно умеет воевать. И при первом же выстреле в свою сторону солдат не задирает голову, чтобы увидеть, кто откуда и с какой целью стреляет, а сразу прыгает за ближайшее укрытие и стреляет навстречу. Бинобль не давал возможности рассмотреть, что это за подразделение. Единственное, что можно было сказать: прибыл целый взвод вместе с командиром и еще с одним, кажется, старшим офицером. И только когда солдаты двинулись вдоль «засеки» и оказались довольно близко, амир сумел рассмотреть нарукавную

Погибший моджахед считается шахидом, то есть мучеником, подтвердившим свою верность Аллаху. В европейском понимании моджахед обычно воспринимается как синоним понятия «исламский боевик» и «террорист». Арабговорящие народы считают это некорректным.

эмблему у солдат и рад был, что не приказал гранатометчикам послать в них несколько зарядов. С пресловутыми «летучими мышами», как прозвали волкодавов из спецназа ГРУ в народе, Джабраил воевать не хотел. От этих будет нелегко оторваться, если они, как говорится, «сядут на хвост». И количество их трудно уменьшить так же быстро, как количество полицейских спецназовцев. Эти многому обучены, в чем Уматгиреев еще раз убедился, заметив, что солдаты снимают все «растяжки» так, словно они выставлены в витрине магазина, а не замаскированы. Освобожденные из ловушек гранаты для использования уже не годятся. С них сорвано кольцо. Значит, прижимной рычаг всегда готов откинуться вверх. И потому солдаты гранаты из ловушек с собой не брали, а просто бросали их вниз, под дорогу, где гранаты и взрывались. А один из солдат швырнул гранату в сторону лежащих под елками амира и гранатометчиков. Да так швырнул, что граната пролетела добрых сорок метров и взорвалась. Мощные осколки «Ф-1» со свистом и шумом прорезали еловые лапы, посыпав амира и моджахедов еловыми иголками и целыми срезанными лапками. Слыша рядом с ухом какой-то продолжительный звон, Джабраил скосил глаза в сторону. В двадцати сантиметрах от его лица тяжелый осколок вошел в ствол молодой ели недалеко от корня. Двадцать сантиметров спасли амира от смерти.

Сняв все, что нашли, солдаты вернулись к своим. Издалека доносились другие взрывы. Значит, обход «засеки» обезвреживали и с другой стороны. И делали это, как сам амир Уматгиреев прекрасно видел, профессионально. Значит, солдаты хорошо подготовлены. И с такими лучше не связываться.

Нет, амир Уматгиреев вовсе не считал, что его моджахеды чем-то хуже этих солдат. Просто их слишком много и они слишком хорошо обучены, чтобы можно было уничтожить значительную их часть быстро и без смертельной опасности для себя. Эта атака была бы неподготовленной. А Джабраил любил просчитывать каждый свой шаг и возможный шаг противника, чтобы знать, чего противник пожелает, и по возможности «удовлетворить» его пожелания.

Солдаты вернулись к своим командирам, кажется, не намереваясь снова повторить маршрут. Экскурсия вокруг «засеки» не казалась солдатам интересной, и амир готов был засвидетельствовать это. Дальше нет ни одной «растяжки».

Джабраил хотел уж было дать команду к отходу, когда один из полицейских там, вдали, показался ему отдаленно знакомым. Но с такого расстояния даже с биноклем нельзя было толком разобрать лица. А любопытство томило, и если его не утолить, то он не будет спать несколько ночей, думая о том, кто же это был.

– Ждите здесь. Если что, прикроете мой отход, – распорядился Уматгиреев и пополз вперед. Он добрался до самого края «засеки». И там поднял к глазам бинокль, чтобы рассмотреть знакомую фигуру. Бинокль уже позволял это сделать.

Амир не ошибся. Он сразу узнал лицо человека. Это Хумид Тарамов. Кажется, ровесник Уматгиреева. И уже в чинах – подполковник. Значит, это он возглавлял отряд погибшего полицейского спецназа. Когда-то Хумид учился с Джабраилом в одной школе, а жил, помнится, на соседней улице. Джабраил был рад, что Хумид Тарамов остался жив после такой передраги. Хотя, наверное, неприятности его ожидают большие. Расстраивается, должно быть.

Уматгиреев снова навел бинокль на лицо Тарамова. Тот что-то зло говорил, словно доказывал кому-то нечто важное. Машинально «взгляд бинокля» перешел на собеседников Хумида. Один из них был старший лейтенант спецназа ГРУ. Наверное, командир взвода. Крепкий парень без головного убора и с короткими и светлыми кучерявыми волосами. С лица старшего лейтенанта бинокль перешел сначала на подполковничий погон второго офицера-армейца, а потом на лицо. Юру Калужного Джабраил Уматгиреев узнал сразу. Он его знал даже лучше, чем Хумида Тарамова. И знал хорошо. Они, конечно, не были друзьями, просто боксировали в одном весе, вместе входили в сборную зоны России. Как-то даже жили на сборах в одной комнате, но относились один к другому благожелательно и даже старались

один другому что-то подсказывать на тренировках, хотя всегда стоял вопрос о том, кто из них будет включен в состав под первым номером, кто останется вторым – запасным.

Как же так получилось, что некогда два, можно сказать, товарища объединились против него? Неужели мир перевернулся, если происходят такие вещи? В голове амира Уматгиреева промелькнули эти мысли, но не оставили глубокого следа, хотя вздох сожаления вызвали. И он пополз назад, к своим гранатометчикам...

* * *

– Что там, амир? – спросил со своей обычной надменной улыбкой пулеметчик Насухан Оздемиров. – Добивать будем или по доброте душевной отпустим?

Самоуверенность Насухана иногда раздражала Джабраила. Но он старался не подавать виду, хотя обычно осаживал этого юнца, мало еще что в жизни повидавшего.

– Тебя волкодавы в задницу кусали?

Вопрос прозвучал неожиданно и вроде бы не соответствовал обстановке. Насухан даже слегка растерялся. Но все же ответил:

– Только когда маленький был. Овчарки в селе. Дважды было дело...

– Маленьких они всерьез не грызут, пугают только. А взрослого?

– Аллах милостивый уберег. – Насухан даже руку к сердцу приложил и на небо с благодарностью посмотрел.

– Чем, думаешь, может кончиться дело, если в тебя волкодав вцепится?

– Мало хорошего, амир. Они упрямые и страха не знают. Не отпугнешь и не отвяжешься. С ними так: или хозяин их уберег, или ты его убьешь, или он тебя. Другого не бывает.

– А про волкодавов из спецназа ГРУ ты слышал?

Самодовольное выражение в глазах Оздемирова исчезло.

– Доводилось, амир. Эти тоже – прицепятся и додавливают. Их только на собачьи бои выставлять. Только они дерутся по-волчьи, насмерть...

– Там, на дороге, взвод спецназа ГРУ охраняет следственную бригаду. Хочешь их себе «на хвост» посадить?

– Я понял, амир. Нам лучше не соваться. По крайней мере, без засады.

– Вот именно...

Говорить кому-то из своих моджахедов о людях, которых он рассмотрел в бинокль, Джабраил не собирался. Это его личное дело, а личные дела он не любил выносить на публичные обсуждения.

– Все. Поднялись. Уходим, – прозвучала команда.

Амиру никогда не приходилось повторять сказанное. Моджахеды слушались его беспрекословно. И быстрый марш начался сразу. Следовало торопиться. Сегодня еще предстояло проводить в дорогу имама Габисова. На календаре среда, а в пятницу имаму предстояло проводить намаз в своей мечети. А перед намазом имам всегда проводит день в тишине и требует, чтобы ему никто не мешал. Ему необходимо сосредоточиться, чтобы потом стать связующим звеном между волей Аллаха и верующими. Имам никогда не говорил, что он является связующим звеном между самим Аллахом и верующими мусульманами. Но всего – только посредником воли его. Так и самим верующим нравилось больше. Имам казался им скромным. Таких людей обычно уважают.

Джабраил умел быстро ходить. В отличие от своих моджахедов, он никогда не курил, а многолетние занятия спортом его здоровье не подорвали. Только в плохую погоду, в промозглую сырость, частенько ныли кисти в сломанных пальцах. Но без таких травм ни один боксер в своей карьере не обходится. И часто на быстром марше Джабраил вставал ведущим в джамаате

и задавал темп. Но в этот раз он встал в середине колонны и даже ни разу не потребовал от сменяющихся ведущих увеличить темп движения.

И вообще Джабраил выглядел слегка растерянным, что было его моджахедам непривычно. А сам Уматгиреев настроения джамаата не замечал. Он думал о том, что произошло и почему судьба свела двух его старых товарищей вместе, причем оба они были против него. У него было что спросить и у Таромова, с которым он встречался незадолго до того, как уйти в горы, и у Калужного, с которым давно не встречался. Но новая их встреча, скорее всего, будет не обычной встречей мужчин. Вместо слов раздадутся автоматные очереди...

Глава третья

Подполковник Калужный встал в обычное для себя время, естественно, без будильника. Долго брился. А затем отправился в роту, чтобы поторопить Березкина. Оказалось, старший лейтенант увел взвод на кросс, но вскоре уже должен был вернуться. Вообще-то подполковник Калужный время от времени, хотя бы раз в неделю, сам старался бегать кросс то с одним взводом, то с другим. Во-первых, всем вместе бежать безопасно, во-вторых, комбат никогда не решится отстать от солдат и будет при любой усталости поддерживать темп бега, как и подобает настоящему спецназовцу. Дополнительный стимул в лице солдат иногда требуется и опытному офицеру. А если этим стимулом пренебречь, какой же солдат за тобой в бой пойдет...

Оставив старшему лейтенанту Березкину и его взводу время на умывание после бега, подполковник сходил в гараж, где уже стояла, готовая к поездке, боевая машина пехоты, и водитель-механик ждал только команды. Машина была неприлично новая, ни одной пулей не побита, и сильно пахла заводской краской. Подполковник забрался в башню, где справа, как обычно, находилось командирское кресло, чтобы хоть чуть-чуть к нему привыкнуть. Слева от командира всегда сидел оператор-наводчик, а по центру – комплекс управления стомиллиметровой пушкой, которая одновременно считается и пусковой установкой, и тридцатимиллиметровой автоматической пушкой, и традиционным пулеметом «ПКТ» калибра «семь и шестьдесят два миллиметра».

Березкин, естественно, займет место оператора-наводчика. Два бойца займут места за лобовыми пулеметами по бокам от механика-водителя, еще семеро разместятся в так называемом десантном отделении. Там для них подготовлено пять основных мест и два откидных сиденья, которые при десантировании откидываются и используются в качестве подножек. Вот и уместится все отделение. При желании можно еще пару человек посадить на ящики со снарядами для пушки. Более того, можно вообще не брать с собой полный боекомплект, поскольку едут они не в бой, а для собирания сведений. Хотя в этой горной местности никогда не знаешь, когда придется вступить в бой.

Убедившись, что БМП готова к поездке, подполковник начал уже выбираться из башни, когда зазвонил его телефон. Звонил Березкин.

– Прибыл, Сергей Ильич?

– Так точно, товарищ подполковник. Но я еще до кросса успел поработать.

– Рассказывай.

– По телефону?

– В общих чертах.

– Звонил в райцентр. Мне дали номер домашнего телефона Тарамова. Поговорил с ним. Будет нас ждать. Вопросы ему по телефону тоже не задавал. На всякий случай поосторожничал.

– Нормально.

– У них там своего узла сотовой связи нет. Если придется делать биллинг, необходимо обращаться в Грозный.

– Биллингом занимается непосредственно ФСБ. Они все данные собирают. Если что, я позвоню полковнику Дагаеву. Он даст нам сведения. Спецназу ГРУ их могут просто не предоставить. У нас нет следственных полномочий.

– И все, товарищ подполковник. Отделение только умоется. Можно ехать. Вызывайте БМП.

– Я уже в машине сажу. Еду к казарме.

– Жду, товарищ подполковник.

* * *

Конечно, боевая машина пехоты не могла использовать все свои пятьсот лошадиных сил на обыкновенной дороге, но ехала довольно быстро.

Передвигались, естественно, с открытыми верхними люками на случай неизвестно откуда прилетевшей термобарической гранаты. От засады никто не может быть застрахован. Тем более – в отдаленном горном районе. Хотя обычно засады ставят по известным целям, заранее зная, что здесь кто-то должен проехать. А термобарическая граната, если люки закрыты, уничтожит сразу весь экипаж. При открытых люках ее эффект не так страшен.

Скорость сбросили только в самом поселке. Там без конца пытались перебежать дорогу большие и лохматые собаки. Давить их гусеницами механик-водитель не хотел. Остановились на центральной площади районного центра. Здесь, на площади, находилась и районная администрация, судя по всему, в трехэтажном здании из красного кирпича, и районный отдел полиции. На здании администрации висела большая вывеска, как положено, с надписями на двух языках, но с расстояния прочитать было сложно, а над зданием полиции – большая неоновая надпись только на русском. И то и другое здание и даже здание магазина рядом с администрацией украшали российские и чеченские флаги, хотя государственный флаг России вывешивать над магазином по закону нельзя, у него другое предназначение. Подполковник Калужный решил солдатам выйти и размять ноги. Задние выходные дверцы моментально распахнулись. Сам комбат вместе со старшим лейтенантом Березкиным выбрался через верхний люк и легко спрыгнул на землю.

На крыльцо райотдела полиции вышли несколько полицейских офицеров. Видимо, ждали. Там же был и подполковник Тарамов, только уже в гражданском костюме. Очевидно, решил больше не претендовать на роль командира полицейского спецназа. Или просто устал таскать тяжелый бронезилет. Трудно сказать, что грозило подполковнику за гибель отряда и на что он сам рассчитывал. Но держался Хумид Цоквич спокойно и властно, никак не показывая, что у него неприятности. Он первым спустился с крыльца райотдела навстречу офицерам спецназа военной разведки и встретил их как старых друзей. То есть не только пожал руки, но и одного и другого приобнял.

Вместе со всеми спустился маленький и круглый, как надувной шарик, полковник с чисто выбритой головой и недельной щетиной на щеках и подбородке. Судя по тому, как его пропускали другие офицеры, это был местный начальник. Этот просто руки пожал, даже не представляясь. Видимо, считал, что его приезжие спецназовцы обязаны знать.

– Пойдемте ко мне в кабинет, – позвал круглый полковник офицеров военной разведки. – Хумид Цоквич, поскольку они и к тебе тоже приехали, ты тоже – за нами...

Круглый полковник однозначно олицетворял здесь силовую ветвь власти. И пошел в здание, не сомневаясь, что и приезжие, и Тарамов двинутся за ним. Они, естественно, двинулись, поскольку и приехали сюда ради этого разговора. Круглый полковник шустро, как заводные, переставлял короткие ноги и быстро поднялся по лестнице на второй этаж, отмахнувшись от желавшего что-то сказать дежурного по отделу старшего лейтенанта с буденовскими усами.

Старший лейтенант понял ситуацию и, не надоедая начальнику, сразу направился к другому старшему офицеру, из тех, что стояли на крыльце и вошли в здание вслед за гостями.

Начальник отдела занимал угловой, довольно-таки просторный кабинет.

– Присаживайтесь, – показал полковник гостям на стулья рядом с длинным столом для заседаний, а сам благоразумно устроился в кресле у стены, рядом с журнальным столиком. Понимал, должно быть, что за своим рабочим столом будет выглядеть еще мельче, чем он есть на самом деле, потому что стол у полковника был громадный, из мореного дубового массива, как сразу определил комбат. Такой же стол стоял в домашнем кабинете командира бригады

спецназа. И поэтому у Юрия Михайловича, который иногда посещал дом комбрига, были на этот счет относительно небольшие понятия.

– Чай? Кофе? – спросил полковник.

– Мы ненадолго, – сказал Березкин. – И потому, извините, от угощения откажемся.

– Э-э... Зачем обижаешь! У нас так не делается. Приехал, мы должны угостить. Я же не водку предлагаю. Так что?

– Чай, – попросил командир батальона. – Если можно, зеленый.

– Мне тоже, – сдался Березкин под взглядом полковника.

Полковник сказал что-то подполковнику полицейского спецназа на родном языке, и из всей фразы офицеры спецназа разобрали только два имени – Хумид Цокович и Мадина. Тарамов вышел, так и не успев сесть, но вернулся уже через минуту. И еще через три минуты вошла немолодая секретарша полковника и принесла на подносе чай в чашках на блюдечках каждому из гостей, а полковнику – чашечку черного кофе. На отдельных тарелочках лежали конфеты и печенья, к которым никто, впрочем, не прикоснулся.

– Как доехали? – спросил полковник. – К нам никак не начнут строить дорогу. Все обещают, но дело не движется. Мы же – дальний район. Нам, как всегда, все в последнюю очередь. Я вчера утром затемно уехал в Грозный. Правда, даже дела никакие сделать не успел. Позвонили, сказали, что произошло, сразу пришлось возвращаться, без отдыха. Всего по дороге расстрясло.

– Наверное, на «уазике» ехали? – посочувствовал Калужный, представляя, как может расстрясти по такой дороге «уазик».

– Зачем на «уазике»! – возмутился полковник таким понижением своего авторитета. – У меня «Кайен»⁹...

Юрий Михайлович понял, что ляпнул, по местным меркам, бестактность, но легко загладил сказанное своим сравнением:

– У нас в гараже «уазике». Я потому и спрашиваю. Мне часто на нем ездить приходится. После длительной дороги ноги не передвигаются, спина заблокирована. Но мы вы же видели на чем приехали. Нам дорога не страшна. Как и бездорожье...

– Для «Кайена» дорога тоже не подарок, – сказал Березкин, допивая чай и отставляя от себя чашку. – У таких машин обычно узкопрофильные колеса. Диски часто летят. Приходится осторожничать. Я так слышал.

– Это уж да, – согласился круглый полковник. – Я уже три диска за год сменил. Трескаются...

– Хорошо, что у нас траки на гусеницах полного профиля, – проговорил Калужный.

Тарамов угрюмо молчал. Или же просто скромничал в присутствии круглого полковника.

– Так что вас интересует? – Круглый полковник решил, что уже пора приступить к делам, поскольку чай гости выпили.

– Сначала вопрос к вам, товарищ полковник...

Подполковник Калужный вытащил из кармана сложенный вчетверо список, полученный накануне на совещании в ФСБ, и протянул круглому полковнику. Тот пробежал список глазами.

– Что это?

– Те люди, которые состоят в банде Уматгиреева. Их домашние адреса. Два человека из вашего поселка. Конечно, в банде больше людей. Но в ФСБ есть данные только на этих пятерых. Остальные неизвестны. Дальше идут возможные связи...

– А подчеркнутые фамилии?

⁹ «Порше Кайен» – дорогой престижный внедорожник.

– Это те люди, которые могут считаться недругами бандитов. Возможно, они могут дать больше информации, чем друзья. Поэтому на них стоит обратить особое внимание.

– Можно снять ксерокопию? – Круглый полковник проявил такт и задал вопрос.

– Конечно. Хумид Цокович... – Листок перешел в руки Тарамова, тот вышел, чтобы сделать ксерокопию.

– Одно лицо, чья фамилия подчеркнута, мне хорошо известно. Это мой собственный зять. Парни из банды тоже всем нам известны. Эти... Двое, что из поселка... Мы за их домами присматриваем. Если что-то подозрительное будет, соседи сразу сообщат. Отец одного сказал, что сына больше не пустит на порог. Мать все время плачет. А после вчерашнего побоища с семьей вообще здороваться перестали. Люди проходят мимо, словно не видят их. Все погибшие полицейские – из нашего поселка. Все молодые. Отец переживает. Он хороший человек. Был когда-то замом главы районной администрации. Сейчас на пенсии. В возрасте человек. Для него это удар под сердце.

Вернулся Тарамов. Молча передал лист с ксерокопией круглому полковнику, оригинал вернул Калужному.

– Что касается второго... На родителей положиться нельзя. Отец сам с уголовным прошлым. Сын, правда, не в отца сначала рос. Но потом сломался. За домом тоже соседи присматривают. Ночью у нас по поселку сложно пройти. Слишком много собак. Никого не пропустят. Даже если одна собака кого-то знает, другие все равно облают. А днем кто же у всех на виду будет идти... После вчерашнего поддержки у них нет. Мы потеряли цвет поселка. Лучших из нашей молодежи. И еще несколько человек из окрестных сел.

Когда их будут хоронить? – спросил старший лейтенант Березкин, плохо еще знающий местные обычаи.

– Вчера похоронили, – сказал круглый полковник. – У нас, мусульман, принято хоронить в день смерти. Или, в худшем случае, на следующий день.

– Теперь по тем фамилиям, что подчеркнуты. Я попросил бы вас, товарищ полковник, послать своих сотрудников для доверительных бесед. Если мы будем беседовать, не так получится. Все, что можно, собрать... Любые сведения. Причины неприязни, конфликтные случаи и тому подобное. Вплоть до сорта сигарет, которые курят бандиты. Можно это сделать?

– Сделаем... – твердо пообещал полковник. – Куда предоставить сведения?

– В республиканскую ФСБ, полковнику Дагаеву. Все к нему стекается.

– Я знаю Дагаева. Отправим.

– Отлично. Теперь вопрос по поводу самого выезда полицейского спецназа. Каким маршрутом автомобили покидали поселок?

Подполковник Тарамов, поскольку все взгляды были устремлены на него, пожал плечами.

– Как обычно. С базы. База спецназа у нас на окраине поселка, сразу за «пожаркой». У нас с пожарными даже стадион общий. А что вас волнует?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.